

Анна Темкина, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Сексуальная революция в России: эгалитарный проект или гендерная поляризация?

На основе результатов исследования нам удалось выделить три поколения сексуальной революции в России: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции. Между первым и вторым этапом сексуальной революции существовал разрыв - то есть поведенческая и дискурсивная революции произошли в разное время. В то время как на Западе они произошли одновременно в период, условно говоря, 68-го года, когда открылся дискурс, изменились поведенческие практики и произошла гендерная революция, существенно изменившая гендерные отношения.

Сначала скажу о некоторых ограничениях моего выступления. То, о чем я буду говорить, - это довольно широкие мазки, широкая рамка. Некоторые распространенные представления о российской сексуальной революции, как мне представляется, могут прояснить ответ на вопрос: что характерно сейчас в России для дискурсов о сексуальных домогательствах и практиках сексуальности?

В России сексуальная революция – это, конечно, с одной стороны, метафора, с другой стороны, мы придерживаемся концепции Игоря Семеновича Кона, который формулировал понятие сексуальной революции через описание основных трендов либерализации сексуального поведения и подчеркивал, что эти тренды в большей степени описывают изменения в поведении женщин, чем в поведении мужчин.

Используя метафору «либерализации» сексуальности, мы и наши коллеги из Финляндии в середине 90-х годов проводили исследование в

Санкт-Петербурге. Был проанализирован большой массив текстов интервью - нарративов о сексуальной жизни.

На основе результатов этого исследования нам удалось выделить три поколения сексуальной революции: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции.

К первому поколению относятся люди, которые родились в 50-60-е годы, формировались в 70-80-е. Это люди советского времени, которые рассказывают о 70-х годах, когда они жили так, как будто сексуальная революция произошла – рассказывают о внебрачных сексуальных отношениях, множественности, вариативности партнеров, некоторой вариативности сексуальной жизни. Мы назвали это «поведенческой революцией».

В России между первым и вторым этапом сексуальной революции существовал разрыв - то есть поведенческая и дискурсивная революции произошли в разное время. В то время как на Западе они произошли одновременно в период, условно говоря, 68-го года. Когда открылся дискурс, изменились поведенческие практики и произошла гендерная революция, существенно изменившая гендерные отношения.

У нас сексуальная революция прошла несколько этапов. В советское время сексуальное поведение уже менялось, но дискурсы не изменились. Хотя говорить так - в известном смысле, упрощение. Потому что анализ поздних советских дискурсов показывает то, что о сексуальности говорили не так мало. Другое дело, что само слово «сексуальность» не использовали, а в основном говорили о «половых отношениях».

Можно выделить несколько потоков информации и потоков литературы, которые существовали в позднее советское время. Во-первых, обсуждались социальные стандарты: что плохо, что не надо делать. Внебрачные связи, добрачные связи, венерические заболевания описывались как негативные явления, которых надо избежать - тем не менее, описание

того, что следует избежать, позволяло называть и обсуждать то, что существовало в жизни. Во-вторых, были авторы, которые писали о гармонии жизни в браке. Тем не менее, допускались обсуждения некоторых поведенческих вариаций, связанных с сексуальной жизнью.

Были изданы пособия для учителей, в которых вводились различия - мальчик, мужчина, девочка, женщина и обсуждались особенности сексуальной жизни или «половых отношений».

Что было достаточно прочно в официальном дискурсе? - То, что все это сводилось к браку. То есть либо поведение отклоняется от брака, либо не отклоняется. Тема брака все это объединяла, хотя внутри ее не было полного молчания. Говорили, что в советском дискурсе не было секса - в том смысле, что не было о том дискурса сексуальности. Это не совсем верно: дискурс был, но довольно специфический, организованный несколькими дискуссиями позднего советского времени.

Что еще важно? Прежде всего, то, что удалось выделить несколько сценариев сексуальности в рассказах людей о своей сексуальной жизни. Сексуальные практики позднего советского поколения (50-60-е годы рождения) стали более либеральными в рамках демократизации сексуальной жизни и признания ценности дружеских отношений - мы назвали их романтическим и коммуникативным сценарием. Но принципиально важно, что сохранялись двойные гендерные стандарты и отсутствовали социальные институты, которые поддерживают либеральные практики сексуальности и делают их менее рискованными. В первую очередь, не было сексуального просвещения и распространения эффективной и надежной контрацепции.

Женщины в этом поколении рассказывают о себе как об объекте сексуальных отношений, о том, что их сексуальная жизнь зависит от мужчины. И если с мужчиной «не повезло», то это значит, что сексуальная жизнь у нее не удалась. Например, респондентка говорит: оргазм я ни разу в жизни не испытала, муж заботится только о себе. Такие высказывания не

исключение, а бесконечное повторение в этих нарративах. То есть женщина – объект мужского желания, и именно таким образом она себя позиционирует.

С другой стороны, для советских женщин характерен постоянный страх аборт, который очень сильно влияет на их сексуальную жизнь. Аборты рассматриваются, в основном, как женская проблема. Когда мы спрашиваем мужчин: сколько аборт сделала ваша жена, они часто не знают, потому что это считается «женской сферой», а граница между мужскими и женскими сферами в сексуальности воспроизводится очень четко.

Дальше сценарии смещаются: мы замечаем при этом смещение у позднесоветского поколения, которое рассказывает историю своей сексуальной жизни в двух сценариях, или двух фреймах. Это романтический фрейм и дружественно-коммуникативный фрейм.

Романтический – это жизнь со страстями, сексуальная жизнь – это приложение к чувствам, к роману, к объектам. Респонденты очень много рассказывают о чувствах, взлетах и падениях, об изменах, о смене партнеров, браках и разводах и т.д. Это уже далеко не только пронаталистские сценарии, в которых женщина не удовлетворена сексуально и боится аборт, а вся сексуальная жизнь существует для того, чтобы родить ребенка и удовлетворять мужа.

Романтический сценарий – это уже другое. Как еще один сценарий, дружеско-коммуникативный, когда секс – это продолжение дружбы, тусовки, совместных интересов, совместного времяпрепровождения. В этом сценарии уже больше коммуникаций, в том числе, по поводу секса, но, в общем-то пары очень мало говорят о сексуальности. Сохранялся стандарт, когда женщины позиционируют себя объектом сексуального желания и объектом сексуального действия. Инициативу проявляет мужчина, за качество сексуальной жизни отвечает мужчина, а за контрацепцию, тем не менее, отвечает женщина.

Следующий этап - дискурсивная сексуальная революция. Понятно, что огромное количество изменений возникает в 80-90-е годы. И, соответственно, появляются новые сценарии сексуальности, которых или не было в советское время, или они были редкостью. Один сценарий мы назвали гедонистическим, другой - рыночным. Гедонистический сценарий – это сексуальная жизнь, которая становится сферой сексуального удовольствия. Дискурсивных средств появилось очень много: журналы, порнопродукция, секс-индустрия. Очень быстро этот язык появляется.

И следующее поколение уже рассказывает о сексуальных практиках и техниках. Это прилагаться и к отношениям в романтическом сценарии, но он становится более дружеским, когда много всего обсуждается. Но меняется и секс, который тоже приносит удовольствие. В таком сценарии становится более выраженным партнерство, появляется признание того, что у женщины есть сексуальные потребности. Границы между женским и мужским становятся более прозрачными.

Еще один новый сценарий – рыночный, как мы его обозначили: женщины достаточно четко позиционируют секс как обмен на некоторые блага - деньги, статус, условия жизни. Респондентка рассказывает: «я плачу сексом за то, что меня содержат, кормят».

Это не значит, что речь идет о проституции, но отношения в паре построены по принципу взаимного обмена, напоминающего рыночную модель.

С осторожностью обозначая этапы сексуальной революции, надо сказать об уменьшении роли гендерных стандартов и о том, что происходит все более заметное сближение образцов женского и мужского поведения. На постсоветском этапе признается, что сексуальные потребности женщины и мужчины, практически, равноправны. В этом состоит большой контраст с советским поколением: респондентки из молодого поколения рассказывают о

том, как у них выстраивается сексуальная жизнь, как они ищут себе подходящего партнера, как они выстраивают с ним отношения.

Таким образом, ни коммуникативный, ни романтический сценарий не исчезает. Но последний рационализируется и превращается в определенную фазу жизни - не вся жизнь рассказывается через перипетии «страсти», а выделяется определенный этап, когда идет выбор, поиск. С одной стороны, сохраняется гендерное неравенство. С другой стороны, новая либеральная сексуальность предполагает большие, чем прежде, риски, и, соответственно, рефлексивность становится все более важной.

Это подтверждается в моем последнем по времени исследовании, в котором опрашиваются врачи-гинекологи и акушеры: людям стали доступны средства контрацепции последнего поколения, врачи объясняют, как ими пользоваться. Это изменение выходит за пределы медицины, меняя поведение, хотя официальная сексуальная политика лицемерно не замечает этого и противодействует не только сексуальному образованию, планированию семьи, но и представлениям о сексуальности как планируемой, управляемой, более безопасной.

Замечу в этой связи, что благодаря недавней истории с сексуальными домогательствами в России стало, например, понятно, что сексуальная революция, действительно, была ценностью для позднесоветского поколения. Речь идет о том, что через либерализацию сексуальности люди приобрели и освоили своего рода нишу интимной, романтической, сексуальной жизни, в которой они смогли дистанцироваться по отношению к государству. Это стало ценностью, как для мужчин, так и для женщин. Однако и в новой ценностной системе женщина была объектом.

Поэтому при отсутствии серьезной работы по изменению гендерных стереотипов и при не - влиятельности феминизма сохраняется представление о «правильной» мужественности - наступательной, инициативной и

агрессивной. В позднесоветском поколении такая мужественность считается нормативной.

В то же время молодые женщины уже себя не чувствуют сексуальными объектами, возникает гораздо более сложная субъектно-объектная система, но эти изменения выпадают из сферы публичного.

Я бы сказала так: особенности российской сексуальной революции обнаруживаются в ситуации с сексуальными домогательствами в России. И это определяет специфику, которая сильно отличает реакцию нашего общества и западного. Когда депутат ГД РФ, как и большинство, считает, что «правильная» женская идентичность – это, когда женщину хотят все окружающие мужчины. А для мужчины – «правильно» хотеть всех окружающих женщин. Поэтому поведение депутата ГД РФ, обвиненного в сексуальных домогательствах, но признающего свою правоту, не осуждается. Хотя у нас тоже происходят изменения двойного гендерного стандарта, он остается распространенным и укорененным.